

#1 среди всех книг
о шпионаже по версии
Independent

Топ 10 лучших
исторических книг по версии
Independent

Книга вошла в список лучших
биографий 2015 по версии
Times

Одна из лучших
книг года по версии
Guardian

АНГЛИЧАНИН Сталина

ЭНДРЮ ЛОУНИ

Несколько жизней ГАЯ БЁРДЖЕССА,
джокера кембриджской шпионской колоды

ТОП 10 AMAZON СРЕДИ ВСЕХ КНИГ О РОССИИ

Эндрю Лоуни

**Англичанин Сталина. Несколько
жизней Гая Бёрджесса, джокера
кембриджской шпионской колоды**

«Центрполиграф»

2015

УДК 929(355.40)
ББК 63.3(2)6-8

Лоуни Э.

Англичанин Сталина. Несколько жизней Гая Бёрджесса,
джокера кембриджской шпионской колоды / Э. Лоуни —
«Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-07308-2

Эта книга о Гае Бёрджессе – непризнанном гении шпионажа и самом эксцентричном агенте советской разведки. В 1951 году Бёрджесс бежал в СССР и в течение двенадцати лет добросовестно служил принявшей его стране, однако, оставаясь англичанином до мозга костей, так и не сумел приспособиться к жизни в сталинской России. Деятельность истинного лидера Кембриджской пятерки до сих пор остается объектом всевозможных измышлений и спекуляций, современники и кураторы из КГБ дают самые противоречивые и неоднозначные характеристики его личности. Эндрю Лоуни удалось создать многоплановый портрет незаурядного, порочного интеллектуала, представителя поколения западной левой интеллигенции, которое в 30—40-х годах XX века оказалось в плену коммунистической идеологии.

УДК 929(355.40)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-227-07308-2

© Лоуни Э., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Глава 1. Начала	9
Глава 2. Школьные годы	14
Глава 3. Снова Итон	20
Глава 4. Студент Кембриджа	28
Глава 5. Выпускник Кембриджа	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эндрю Лоуни
Англичанин Сталина. Несколько
жизней Гая Бёрджесса, джокера
кембриджской шпионской колоды

Andrew Lownie

Stalin's Englishman. The Lives of Guy Burgess

© Andrew Lownie 2015

© Перевод, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

После того как Гай Бёрджесс и Дональд Маклин в 1951 году бежали в Советский Союз, было написано множество книг о кембриджских шпионах. Все авторы пытались ответить на вопрос: как не только эти два человека, но и другие – их имена с годами стали известны, – несмотря на свое привилегированное происхождение и влиятельное положение, стали шпионить на страну, чья система ценностей была в корне отличной от их собственной.

Из всех членов Кембриджской группы Бёрджесс привлекал наибольшее внимание, не в последнюю очередь потому, что никто не понимал, как можно принимать его всерьез. Рассматривая книгу «Череда неудач» (A Chapter of Accidents) – мемуары о Гае Бёрджессе его друга Горонви Риса, – романист Изабель Куигли пишет: «Бёрджесс – неоднозначная личность, больше похожая на вымышленный персонаж. Он привлекательный, блестящий, забавный, эксцентричный человек, живущий в мире грез и воплощающий в нем свои собственные фантазии. А еще он пьяница, дурно пахнущий, неряшливый, утомительный, жующий чеснок или барбитураты, словно мятные леденцы. При этом он сексуально неразборчив и ненасытен. Персонаж комикса? Он предал свою страну, но своим собственным изощренным способом, согласно принципам, которые, вероятно, трудно распознать при сталинизме. Так кто же он: новый трагический герой или современный клоун?»¹

Сам Горонви Рис признает: «Я далек от мысли, что моя история расскажет всю правду о нем: никто не может дать ничего, кроме частичного и очень неполного повествования о таком сложном и противоречивом человеке, обладающем неудержимой страстью ко всему изощренному и тайному»².

Бёрджесс – определенно самый неординарный и загадочный из кембриджских шпионов, человек необычайно противоречивый и сложный. Он имел дурную репутацию, считался ненадежным и неспособным к полноценной трудовой деятельности, но тем не менее сумел взять такие бастионы истеблишмента, как Би-би-си, министерство иностранных дел и МИ-6. Он пользовался уважением Уинстона Черчилля, Невилла Чемберлена и Энтони Идена и использовал свое положение для передачи важнейших тайн в течение более пятнадцати лет. На каждого человека, которого отталкивала его неряшливость и эгоизм, находился другой, очарованный его обаянием, умом и добротой.

Хотя было выпущено несколько полных биографий других членов Кембриджской группы – Кима Филби, Дональда Маклина и Энтони Бланта, – конкретно о Бёрджессе написано сравнительно немного. Такой литературный пробел вполне понятен. Бёрджесс умер на 25 лет раньше, чем остальные его соратники по шпионской деятельности, лишь немногие на Западе контактировали с ним после 1951 года, и лишь незначительная часть его переписки сохранилась. Таким образом, он очень долго оставался тайной, джокером в кембриджской колоде.

Настоящая книга опирается на двадцатилетние исследования в архивах всего мира, интервью с более чем сотней людей, лично знавших Бёрджесса, которые раньше никогда не комментировали это знакомство, сейчас их уже нет на свете, а также секретные файлы, опубликованные во исполнение закона о свободе информации на обоих берегах Атлантики. Она дает новое представление о Гае Бёрджессе – идеалисте, шпионе, предателе и человеке, считая его самым важным из кембриджских шпионов.

В книге представлена история богатого, имеющего хорошие связи, блестящего кембриджского студента, начиная с его детства в Гэмпшире до трагикомического бегства в Москву. Рассказано о его пьянстве, возмутительном поведении, сумбурной личной жизни, а

¹ Spectator, 4 March 1972.

² Goronwy Rees Inquiry Papers, GB 0210 GOREEES, UCW Aberystwyth, A Chapter of Accidents, original typescript, p. 76.

также дружбе со многими выдающимися личностями, такими как Джон Мейнард Кейнс, Сирил Коннолли, Исайя Берлин, У.Х. Оден, Э.М. Фостер, Дилан Томас, Стивен Спендер, Кристофер Ишервуд, Люсьен Фрейд, Джордж Оруэлл, Майкл Редгрейв и Фредерик Эштон. Англичанин в сердце и в некоторых аспектах (по большей части сентиментальных) патриот, он запомнился как шпион и предатель своей страны.

Жизнь Гая Бёрджесса полна интригующих загадок. Почему человек, принадлежавший к сердцу английского истеблишмента, решил предать его, став советским агентом? Как его завербовали? Как им руководили? Почему его не раскрыли до самого бегства в 1951 году? Какую информацию он передавал? Насколько сильно повлиял на изменения хода истории XX века? Будут ли открыты имена новых шпионов? Ответы на эти вопросы, а также многое другое вы найдете в этой книге.

Пролог

Полный круг: суббота, 5 октября 1963 года

В стужающихся сумерках осеннего вечера небольшая похоронная процессия собралась на кладбище церкви Святого Иоанна Евангелиста – готического сооружения с синей черепичной крышей в гэмпширской деревне Уэст-Меон. Это прелестное сонное древнее место, где начиная с XII века всегда стояли церкви.

Похоронная процессия расположилась среди поросших мхом надгробий, в числе которых были поставленные четырьмя веками раньше. Здесь были похоронены Уильям Коббет – публицист, памфлетист и историк, и Томас Лорд, знаменитый крикетист и основатель стадиона для игры в крикет в Сент-Джонс-Вуде – стадион носит его имя. К северу от церкви, в небольшом отдалении расположена низкая могила с крестом, возле которой в темноте и стояла похоронная процессия.

В ней было всего пять человек. Преподобный Джон Херст, здешний викарий с 1950 года. Рядом с ним стоял худощавый человек лет пятидесяти в очках. С ним были его жена и сын – юноша двадцати лет или около того. Венков было три. На ленте самого большого из них была надпись: «Моему милому дорогому мальчику с любовью от мамы». Престарелая женщина была слишком больной, чтобы явиться лично. Другой венок – от брата усопшего – Найджела, стоявшего у могилы. Третий – от группы друзей. Церемония была простой, без музыки, гимнов и проповедей³.

Эти люди собрались здесь в вечерней тьме, чтобы захоронить прах сына Уэст-Меона, человека до мозга костей английского, как и место, где он провел детство, человека, который любил свою страну и гордился ею. В то же время этот человек был предателем, настолько здесь нежеланным, что даже его останки пришлось хоронить втайне.

«Пробудились очень сильные чувства, – впоследствии вспоминал преподобный Джон Херст, – и я боялся, что какой-нибудь репортер может последовать за Найджелом в Уэст-Меон, когда он привез сюда прах, поэтому вырыл яму для урны всего за десять минут до его прибытия». Когда небольшой сосуд был помещен в поспешно вырытую яму, викарию пришлось пережить неловкий момент: яма оказалась недостаточно глубокой, чтобы вместить изысканно украшенную урну. «На крышке был заостренный шпиль, верхушка которого оказалась как раз вровень с травой. Я отломал его и спрятал в карман»⁴.

Прах усопшего упокоился рядом с могилой его отца, умершего сорока годами ранее. На кресте имелась надпись: «Малколм Кингсфорд де Монси Бёрджесс, умер в 1924 году». Теперь к надписи предстояло добавить: «Гай Фрэнсис де Монси Бёрджесс, умер 30 августа 1963 года».

Гай Бёрджесс наконец исполнил свою мечту. Он вернулся домой.

³ Daily Express, 10 October 1963.

⁴ Преподобный Джон Херст автору, 17 сентября 1996 г.

Глава 1. Начала

Корни Гая Бёрджесса в Кенте, но его семья изначально была гугенотской. Такое происхождение было для него чрезвычайно важным, и он впоследствии приравнивал бегство его гугенотских предков, по зову совести, в Британию в XVII веке к своим собственным путешествиям в Москву тремя веками позже⁵.

Абрахам де Буржуа де Шуйи, имевший незначительный титул и связи при дворе, прибыл в Кентербери в 1592 году в возрасте тридцати пяти лет, чтобы избежать религиозных преследований во Франции. Семья быстро вросла в жизнь Кента, и во время Наполеоновских войн ее представители процветали в роли банкиров в Рамсгейте и Маргейте⁶.

Семья, в которой родился Гай Бёрджесс, имела сильные военные традиции. Его дед по отцовской линии Генри Майлз Бёрджесс вступил в королевскую артиллерию в 1854 году в возрасте пятнадцати лет и большую часть времени служил за границей⁷. В августе 1865 года он женился на Амелии Кингсфорд, дочери богатого купца, обосновавшегося в Луишеме. У них было пятеро детей, младший из которых, отец Бёрджесса Малколм Кингсфорд де Монси, родился 13 августа 1881 года в Адене.

О ранних годах Малколма известно очень мало – перепись 1891 года застала его в Сент-Мэри-Бредине, неподалеку от Кентербери, Кент, – но его карьерный путь был ясен: ему предстояло стать военным моряком. В январе 1896 года, в возрасте четырнадцати лет, он поступил на учебный корабль «Британия», тогда стоявший на якоре на реке Дарт, недалеко от Дартмута. Здесь он прошел начальное обучение, изучая самые разнообразные предметы, от навигации до французского языка. Правда, его успехи в общеобразовательных дисциплинах были незавидными. Учителя называли его «склонным к лени, но постепенно исправляющимся»⁸.

В январе 1898 года Малколм стал гардемаринком 3-го класса. В то время Королевский военно-морской флот имел 350 кораблей и почти 100 тысяч моряков и был больше флотов Франции, России, Германии и США. К тому же это была в высшей степени престижная карьера – будущий король Георг V пятнадцатью годами раньше тоже учился в Дартмуте⁹.

Прогресс Малколма был основательным, но не вдохновляющим. Он служил младшим офицером на большом корабле и не имел возможности выделиться. Его положению не способствовал тот факт, что, находясь на модной военной службе, в окружении офицеров-аристократов, он не имел высокого социального статуса. Да и следственная комиссия в 1902 году признала его виновным в столкновении его корабля, носившего название «Трэшер», с другим – «Пантера». И хотя ему был сделан лишь выговор – «ввиду неопытности», – его карьера рухнула, так толком и не начавшись. А капитан считал, что «недостатки этого офицера делают его непригодным к службе на эсминцах»¹⁰.

В марте 1904 года военный суд счел его виновным в пренебрежении своими обязанностями. На линкоре «Принц Джордж» была потеряна сигнальная книга, когда флот находился в

⁵ Tom Driberg, Guy Burgess: A Portrait with Background, Weidenfeld & Nicolson, 1956, p. 13.

⁶ Edward Tangye Lean, The Napoleonists: A Study in Political Disaffection, 1760–1960, Oxford University Press, 1970, p. 345. Они имели право печатать собственные банкноты, пока семейный банк не был поглощен в 1844 г.

⁷ Он служил в экспедиции, направленной из Адена против арабского племени фулли в 1866 г., принимал участие в разрушении Шугры в Южном Йемене в 1867–1868 гг. и, став подполковником (лейтенант-полковником) возглавил бирманские полевые силы в экспедиции против дакойтов Бубнеша в 1887 г. Вышел в отставку в 1887 г. и умер в Уэльсе в 1908 г.

⁸ ADM 196/46/196. Рассказ о современной жизни на «Британии» можно прочитать на http://www.pbenyon.plus.com/Commander_RN/Chap_01.html.

⁹ Военные характеристики Малколма см.: ADM 196/46/196, ADM 196/126/73.

¹⁰ ADM/196/46.

Виго¹¹. Ему дали еще один шанс продолжить службу на корабле другого класса, и после этого Малколм служил на разных крейсерах и линкорах, и его характеристики стали улучшаться. Однако они были недостаточно хороши для будущего старшего офицера, и в 1907 году он был направлен для берегового обучения с резервом – губительный фактор для военно-морской карьеры – в Давенпорт.

В декабре того же года двадцатилетний морской офицер женился в Портсмуте на Эвелин Джилмен. Эвелин, на четыре года моложе супруга, была дочерью Уильяма Джилмена, партнера в маленьком семейном банке «Грант, Джилмен и Лонг» с отделениями в Портсмуте и Саутси. В 1903 году банк был продан Ллойд, что сделало Уильяма богатым лентаем.

У.Г. Джилмен, названный в честь знаменитого крикетиста Уильяма Гилберта Грейса, женился на деньгах. Его супруга Мод Купер, которую он встретил, путешествуя по Северной Америке, была наследницей первых шотландских поселенцев и происходила из видной канадской семьи. Масон, мировой судья и директор портсмутских газовой и водной компаний, Джилмен был видным человеком в Гэмпшире. Эвелин, младшая из троих детей, выросла в большом доме со слугами – Рутленд-Хаус, в северной части Саутси, и была отправлена учиться в пансион в Хендоне.

Первый семейный дом Малколма и Эвелин Бёрджесс находился в Давенпорте по адресу Албемарле-Виллас, 2. Это был один из серии отдельных трехпролетных двухэтажных домов с коваными балконами, стоящих над Стоунхаус-Крик. Дома были построены около 1825 года для отставных морских капитанов. Там 16 апреля 1911 года и родился их первый сын Гай Фрэнсис де Монси Бёрджесс. Спустя два года у молодой пары родился второй сын – Найджел.

Малколм часто отсутствовал дома. Три четверти его карьеры прошло или в море, или на иностранных военно-морских базах. Так что это был женский дом. Здесь царила экономка Берта Оливер. Также в доме жили кухарка Элис Пул и горничная Эмили Харт – им всем было около тридцати лет. Таким образом, с самого раннего возраста у Гая Бёрджесса установились очень близкие отношения с матерью, а уравновешивающего мужского влияния не было вовсе.

Сразу после своего тридцатого дня рождения в сентябре 1911 года Малколм был произведен в лейтенанты-коммандеры (капитан-лейтенант), и в начале 1914 года он принял командование торпедной канонеркой «Хиби» («Геба»), которая была переоборудована в плавбазу для подводных лодок и базировалась на Тайне. Это было далеко не самое престижное назначение. На канонерке он провел первую часть Первой мировой войны – в основном в порту, а не в море, обслуживая субмарины, которые охотились за немецкими подводными лодками в Северном море¹².

В июне 1916 года Малколм стал коммандером (капитаном 3-го ранга) и принял командование 6-й флотилией подводных лодок, которая в то время базировалась в Харидже. Эту должность он занимал до конца войны. В этот период его служебные характеристики в основном хорошие. «Очень усердный и способный офицер, всегда готов оказать содействие... отличный исполнитель и хороший организатор» – но это была умеренная война¹³.

После прекращения противостояния в Европе Малколм стал помощником капитана на корабле «Ганнибал», плавбазе для вспомогательных патрульных кораблей в Александрии, поддерживающих сил, действовавших из Египта и в Красном море. Но это назначение тоже не было престижным. Впоследствии он был назначен в штаб контр-адмирала в Египте – командовал обслуживанием и обеспечением. Он жил в Исмаилии, на Мальте и в Египте до лета 1920 года. Гай Бёрджесс впоследствии утверждал, что в возрасте восьми лет жил на вилле в Исмаи-

¹¹ Portsmouth Evening News, 15 March 1904.

¹² Navy List, Oct. 1915, p. 394.

¹³ ADM/196/126.

лии, главном городе на Суэцком канале, в европейском квартале, расположенном в восточной части города¹⁴.

После этого Малколм провел несколько месяцев на корабле «Бенбоу» – занимался снабжением и административными вопросами, в том числе дисциплиной и форменной одеждой. Его командир писал: «Внешний облик корабля представляется в высшей степени похвальным, учитывая уменьшенный штатный состав. ... [Малколм] в хорошей форме, увлечен общественной жизнью. Он покидает корабль по собственному желанию, и я хочу отметить, что он выполнял свои обязанности вполне удовлетворительно»¹⁵.

Осознав, что адмиральского чина не получит никогда, Малколм в июле 1922 года по собственному желанию оставил действительную службу и был помещен в список резервистов. Ранняя отставка также могла быть вызвана проблемами со здоровьем и общим разочарованием во флоте. Его младший сын вспоминал, как отец поспорил на Мальте со старшим офицером и, хотя был прав, в итоге оказался проигравшей стороной. Если так, это могло косвенно повлиять на отношение его первородного сына к власти¹⁶.

Поскольку у семьи уже не было необходимости жить на побережье, Бёрджессы перебрались в Уэст-Меон, прелестную гэмпширскую деревушку с населением около 2 тысяч человек, где любили селиться отставные морские офицеры. Дом Бёрджессов, Уэст-Лодж, был большим элегантным георгианским особняком из выцветшего красного кирпича с эркерами, серо-голубой черепичной крышей и изящным портиком и веерообразным окном над дверью. В нем была дюжина хорошо спланированных комнат, включая кабинет, музыкальную комнату, холл и пять спален. Также здесь был огороженный стеной огород, коттедж грума и двор и еще 8 акров лужаек, пастбищ и леса. Семья знала всех в округе. Детей с няней, Олив Диерсли, часто видели в местном магазине мистера Талли, где они с удовольствием тратили свои карманные деньги.

О раннем обучении Гая Бёрджесса ничего не известно. Почти наверняка он учился дома с гувернанткой. В сентябре 1920 года, в возрасте десяти лет, он отправился в подготовительную школу-интернат. Такое решение было традиционным для мальчиков его круга, но, ко всему прочему, его активно поддерживала мать, восхищавшаяся своим умным сыном. А отец хотел, чтобы сына приучили к строгой дисциплине и мужскому влиянию.

Локерс-Парк – небольшая подготовительная школа, основанная в начале 1870-х годов для подготовки учеников в Рагби. Это была одна из первых специализированных школ в Англии. Она располагалась на территории в 23 акра возле Хемел-Хемпстеда и имела в своем составе часовню, библиотеку, бассейн, спортзал, площадку для игры в сквош и стрельбище. И до нее от Лондона было всего час езды на поезде. Она быстро завоевала популярность, благодаря здоровой обстановке, а также удобному положению на пути из Лондона в Рагби.

Во время, когда даже дети из благополучных семей нередко умирали во время эпидемий, немаловажным было покровительство лейб-медика королевы Виктории, сэра Уильяма Дженнера. «Я никогда не был в школе, расположенной в более здоровом регионе или где была лучше сконструирована канализация». Так начиналось письмо, которое с гордостью публиковалось во всех школьных проспектах, как королевская гарантия на следующие три десятилетия.

Самая дорогая школа в Англии, она также стала модной в аристократических кругах. Большинство ее выпускников впоследствии учились в Итоне, Хэрроу, Винчестере и Веллингтоне¹⁷. Школой управляли совместно Томми Холм и Норман Вуд Смит, которые приняли ее

¹⁴ Driberg, p. 83.

¹⁵ ADM 196/126/73. В апреле 1921 г. Малколм перевелся на корабль «Эмперор оф Индия», который базировался на Мальте. Он ходил в Константинополь во время Чанакского кризиса в сентябре 1921 г. В этот период он характеризовался как «способный, энергичный офицер с хорошим административным потенциалом».

¹⁶ Интервью Найджела Бёрджесса, 3 сентября 1996 г.

¹⁷ Среди его сверстников лорд Элчо, внук графа Уэссиса; Том Митфорд, брат знаменитых сестер Митфорд; Бэзил Ава, будущий 4-й маркиз Дафферин-Ава; достопочтенный Мартин Чартерис, позже личный секретарь королевы; будущий философ

за год до появления в ней Бёрджесса. Локерс-Парк – маленькая школа. В ней училось всего восемьдесят мальчиков. Здесь были очень сильны военно-морские традиции. Одним из современников Бёрджесса был distinguished Питер Битти, сын первого лорда адмиралтейства Дэвида Битти. Другим учеником – прямо перед Первой мировой войной – был принц Луис Маунтбаттен, сын второго морского лорда, правнук королевы Виктории. В сравнении с ними достижения отца Бёрджесса представляются весьма скромными. Мальчики были разделены на группы. Военно-морская группа носила синие блейзеры (Битти, Крэдок, Джеллико), армейская группа – красные блейзеры (Хейг, Робертс, Китченер). Бёрджесс, по мнению Китченера, уже тогда был «красным».

Повседневная форма состояла из фланелевых костюмов или черных жакетов и темно-серых брюк. Итонские воротнички носили поверх пиджаков. Комплект одежды включал две пары подтяжек, твидовую шляпу, соломенную шляпу и восемнадцать носовых платков. Плата составляла 50 гиней за семестр. Дополнительно мальчики изучали музыку, бокс, танцы, плотничье дело, также они учились стрелять. Визиты родителей не допускались в течение первых трех недель, а затем – по субботам и в первую среду каждого месяца. Не разрешалось посылать детям сладости – вместо этого родителям рекомендовали «ограничить свою щедрость *периодическими* подарками из фруктов и лепешек».

Для маленького чувствительного мальчика попасть туда – настоящий шок. Современник Бёрджесса, Питер Коут, наследник шотландской хлопковой империи, вспоминал: «Воспитатели в Локерс-Парк в то время были отталкивающими личностями... Один казался откровенным садистом, получавшим удовольствие, доводя девятилетних мальчишек, никогда раньше не уезжавших из дома, до слез. Он давал своим подопечным то, что называл «подзатыльниками», – жестокие сильные удары, и при этом его глаза возбужденно блестели, а в уголках рта показывалась слюна. Мальчишки плакали от страха и бессильной злости»¹⁸.

Выросший среди женщин и имевший, по утверждению его брата, «нездорово близкие» отношения с матерью, Бёрджесс никак не мог приспособиться к подобным порядкам¹⁹. Его современник Стэнли Кристоферсон вспоминал: «Я старался держаться от него подальше. Он не был мальчиком, с которым мне хотелось бы дружить. Он был неправильным»²⁰.

Классы формировались частично по возрасту, частично по способностям, для которых существовала градация от высших – А1 до низших – С3. Бёрджесс начал с С1 и немедленно проявил себя со всем блеском, завершив семестр вторым в классе. На второй семестр он был переведен в В2 и закончил его первым в классе.

После двух семестров в А2, где он был вторым в школе, летом 1922 года он перешел в А1. Ему было всего одиннадцать лет, и он провел в этом классе следующие пять семестров и завершил обучение в 1923 году вторым в классе. Он был добросовестным учеником и постоянно получал VG (очень хорошо). Бёрджесс преуспевал не только в академических науках. Он освоил фортепиано и в ноябре 1922 года исполнил на школьном концерте соло «Дух твоего народа» (The Spirit of Your Race). Зимой 1922 года он играл во втором составе школьной футбольной команды, а зимой 1923 года – в первом.

Было очевидно, что Бёрджесс в возрасте двенадцати лет интеллектуально перерос Локерс-Парк. Но он не мог отправиться на учебу в Дартмут, как хотел его отец, пока ему не исполнится тринадцать с половиной лет. Тогда был найден компромисс, устроивший его мать, – он проведет год в Итоне. На Рождество 1923 года Бёрджесс покинул маленькую подго-

Стюарт Гемпшир; Боб Лейкок, будущий глава командос во время Второй мировой войны; писатель Джеймс Ли-Милн; и будущие покровители искусств и литературы Элуард Джеймс и Питер Уотсон.

¹⁸ Peter Coats, *Of Generals and Gardens*, Weidenfeld & Nicolson, 1976, p. 14.

¹⁹ Cherry Hughes Pepers, интервью Найджела Бёрджесса, 21 января 1986 г.

²⁰ David Leitch, Guy Burgess, неопубликованная рукопись, с. 56.

товительную школу из восьмидесяти учеников, сменив ее на одно из самых знаменитых учебных заведений Англии, где училось более тысячи человек.

Глава 2. Школьные годы

Основанная в 1440 году Итонская частная школа-пансион для мальчиков была образцовой. В ней царил культ успеха. Среди ее учеников – в то время, когда там учился Бёрджесс, – были вице-король Индии, король Сиам, лорд-канцлер, спикер палаты общин, главный комиссар полиции, лорд-мэр Лондона, директор Национальной галереи, управляющий Банком Англии, редактор «Таймс», руководитель Би-би-си и больше сотни членов парламента.

В школе, куда пришел в январе 1924 года Бёрджесс, было более тысячи мальчиков, разделенных на двадцать шесть домов. Должно быть, она показалась пугающей ребенку, которому еще не было тринадцати лет. Его дом, где было около сорока мальчиков, – 7 Jourdelay's Place – был просторным увитым плющом особняком времен королевы Анны. Там было несколько мальчиков из школы Локерс-Парк, в том числе юный ирландец Дер-мот Макгилликади, впоследствии ставший близким другом Бёрджесса.

В доме царил математик Фрэнк Доббс – спокойный, веселый, очень высокий краснотелый человек с крючковатым носом и усами. Тогда ему было около пятидесяти, и он был автором хорошо известного учебника математики для школ. У Бёрджесса была собственная спальня, где стояла кровать – которая складывалась в дневное время, а вечером, перед вечерней молитвой, ее разбирали служанка, – письменный стол, умывальник и виндзорское кресло. По утрам он вставал в 6:45, в 7:30 начинались занятия. В 8:20 был перерыв на завтрак. Последний урок начинался в пять часов пополудни. Три вечера в неделю посвящались спорту. Будучи учеником младших классов, Бёрджесс был вынужден «прислуживать» старшеклассникам – убирать, готовить и выполнять разные поручения.

Картину Итона несколькими годами раньше дал Сирил Коннолли в своем произведении «Враги таланта» (*Enemies of Promise*), написавший: «Мы все были сломлены под напряжением побоев ночью и издевательств днем; мы могли надеяться только на достижение мира со старшими, чтобы самим стать поборниками дисциплины»²¹. Бёрджесс справлялся с проблемами иерархий жизни в интернате со смесью бесцеремонной бравады, очарования, юмора и уступок, но семена его бунтарства против власти уже были брошены в почву.

Школа была разделена на классы или подразделения, в которых мальчики учились, постепенно продвигаясь, согласно своим интеллектуальным способностям и успехам, к первому подразделению. Бёрджесс начал учиться в подразделении 27 и сразу проявил себя во всем блеске. В апреле он получил издание «Песен Древнего Рима» У.Т. Уэбба за первоклассные результаты в испытаниях. В том же месяце он занял второе место среди претендентов на Geoffrey Gunther Memorial Prize в области искусства. В следующем семестре он перешел в подразделение 26, где кульминацией летнего семестра стал визит короля Георга V и королевы Мэри в часовню колледжа. Его итонская карьера началась хорошо, но потом произошла трагедия.

Ночью 15 сентября, как Бёрджесс вспоминал позже, он был разбужен громкими криками, доносившимися из спальни родителей. Войдя туда, он обнаружил свою мать, придавленную телом отца, который умер от сердечного приступа, занимаясь любовью. Мальчику пришлось разделять их тела. Малколму было всего сорок три года. Именно этот опыт, по утверждению Бёрджесса, определил его гомосексуальность, но об этом он почти никому не рассказывал. Так, его брат Найджел никогда не слышал этой истории, не фигурирует она и в документах КГБ. Эвелин была сильной молодой женщиной, а ее супруг имел средний вес. Какой бы ни была правда – нельзя забывать, что Бёрджесс с самого раннего возраста был большим выдумщиком, – внезапная смерть Малколма, вызванная, как сказано в документах, «атеромой аорты и

²¹ Cyril Connolly, *Enemies of Promise*, Ch. 20. Сверстники Коннолли из Итона – Эрик Блэр (Джордж Оруэлл), Стивен Рансимен и Дэди Райлендс.

пороком аортального клапана», стала катастрофой для семьи, и не в последнюю очередь для тринадцатилетнего мальчика.

Неделей позже Бёрджесс вернулся в Итон, все еще пребывая в шоке из-за смерти отца, но пробыл там недолго. Изначально планировалось, что он будет учиться в Дартмуте, как только достигнет возраста тринадцати с половиной лет. Поэтому ровно через три месяца после смерти отца мальчик покинул Итон, друзей и перспективную научную карьеру, чтобы стать военно-морским офицером.

Дартмутский военно-морской колледж располагался в окрестностях живописного девонширского города Дартмут на берегу реки Дарт. В январе 1925 года, когда туда приехал Гай Бёрджесс, зданиям колледжа было не больше двадцати лет. Они были построены взамен учебного корабля «Британия», на котором учился его отец. Дартмутский колледж был престижной школой, почти такой же, как Итон, с одной лишь разницей: здесь готовили мальчиков исключительно для военно-морской службы. Порядки в колледже были как на корабле. Офицеры под командованием капитана Данбара-Нейсмита, награжденного крестом Виктории во время военной кампании в Дарданеллах, где он был подводником, отвечали за дисциплину и военную подготовку, гражданский директор – за общее образование.

Перед главным корпусом – длинным трехэтажным зданием с часовой башней в центре – располагался учебный плац с носовой фигурой «Британии» и флагштоком, на котором на рассвете поднимали военно-морской флаг Великобритании, а на закате – спускали его под звуки горна. Главный зал, где производились смотры, назывался квартердеком, офицерские комнаты – каютами. В здании были отдельные кают-компании для офицеров и кадетов. Здесь Бёрджесса облачили в военно-морскую форму – белые фланелевые штаны, бушлат, воротник, галстук и головной убор. Причем «головной убор очень важен, поскольку всякий раз, когда проходишь мимо офицера или начальника, следовало отдать честь», – писал один из современников, Уильям О'Брайен²².

Бёрджесс был среди более чем пятидесяти кадетов, прибывших в колледж в День святого Винсента. Он получил адмиралтейский номер 205. Каждый семестр или класс подразделялся на правый и левый борт – Бёрджесс был и там, и там, что необычно. Классы назывались в честь адмирала. Кадет оставался в своем классе, то есть, в данном случае, Святого Винсента, на протяжении всех одиннадцати семестров в колледже²³.

Каждый семестр проходил под руководством военно-морского лейтенанта, которому помогали два кадета-капитана из числа старшекурсников. Кадеты проводили день в кают-компании – большом помещении с ящиками, столами и скамьями, а спали в общих комнатах, рассчитанных на двадцать пять человек, где в два ряда стояли железные кровати с тугими пружинами. Ряды тоже назывались по именам адмиралов (Бёрджесс был в Кеппеле). Окна выходили на север и на юг. Каждый вечер окна открывались, как правило, в соответствии с погодой. Так что, если дули холодные северо-западные ветра и дождь заливал помещение, мог последовать приказ: «Южные открыть наполовину, северные – на четверть, закрыть все форточки»²⁴.

В деревянный морской сундук у кровати кадет складывал вещи. О'Брайен вспоминал: «Раздевание означало не просто снятие с себя одежды и уборку ее в ящик. Все предметы одежды следовало сложить до установленных размеров и разложить в определенном порядке, причем сверху должен лежать головной убор. Ботинки – в одну линию, кровать накрыта синим покрывалом, которое складывалось в изножье, вышитые инициалы его владельца – в центре»²⁵.

²² William O'Brien to the author, 12 March 1999.

²³ Современный рассказ другого студента можно найти в: Ambrose Lampen, *The Gilded Image*, 1978 и немного позже в: C.C. Anderson, *Seagulls in my Belfry*, Pentland Press, 1997.

²⁴ Charles Owen, *Plain Yarns from the Fleet*, Sutton, 1997, p. 34.

²⁵ Уильям О'Брайен автору, 9 марта 1999 г.

Кадетов наказывали за самые незначительные нарушения в одежде, на них постоянно кричали и заставляли все делать стремительно. Их учили подчиняться приказам, чтобы, попав на флот, они могли приказы отдавать. «Мы не видели ни доброты, ни приязни, только постоянные придирки, понукания и угрозы, – писал Чарльз Оуэн. – Мы не могли дождаться конца каждого дня, чтобы оказаться в уединении постели, чтобы во сне отдохнуть от криков, угроз и приказов, которые преследовали нас до отхода ко сну, до того момента, как выключали свет»²⁶.

Эмброуз Лэмпен вспоминал: «Все регулировалось правилами; все было единообразным; каждое движение должно было выполняться одновременно с остальными и, как правило, стремительно. Утром мы просыпались по команде: «Подъем! Быстро!», а ложились спать, услышав приказ: «Молиться!» Нам не разрешалось ходить. Мы бегали из класса в класс. Мы бегали, минуя комнаты, выделенные старшим. Мы бегали в столовую и из нее или на площадку для игр. Когда болели, мы бегали в лазарет»²⁷.

Палочная дисциплина была деспотической, частой и исключительно по капризу офицера семестра или его помощников. Битье палками ограничивалось шестью ударами и применялось перед отходом ко сну, когда мальчики были в пижамах.

«От палок оставались полосы, которые держались шесть недель, – делился впечатлением Артур Хэзлетт. – Иногда, когда два удара приходились в одно место, выступала кровь. Хуже всего было то, что палками наказывали за самые незначительные проступки, такие как разговор после отбоя, минутное опоздание и т. д. Была также система меток. Одну метку нарушитель получал за какой-нибудь небольшой просчет, такой как неаккуратно уложенный сундук или неубранные книги. После четырех меток следовало наказание палками. Хотя обычное наказание – три или четыре удара, они были сильными, и наказанный испытывал сильную боль»²⁸.

Для более серьезных нарушений существовала современная версия плетки-девятихвостки, причем наказание было публичным. Согласно Бёрджессу, «он восстал против варварской церемонии телесных наказаний: он и три его товарища нарочито отвернулись, чтобы не видеть представления, которое кадеты должны были смотреть»²⁹.

Правила были строгими. Кадеты не могли говорить, если к ним не обращаются, не могли смешиваться с другими классами – только для спортивных игр. Им не разрешалось заговаривать со старшекурсниками – впрочем, с младшими тоже. Об этом писал другой современник Бёрджесса – Майкл Крейг-Осборн. Кадеты вставали в 6:30 и после холодного купания читали молитвы. Одевшись, они шли на пятнадцатиминутную беседу о мореплавании в кают-компании. Затем в течение часа велись занятия. После этого они шли строем по четыре человека завтракать – ровно к восьми часам. В 9:00 начинался общий смотр, который назывался «Раздел» (Divisions), за которым следовала строевая муштра, за ней – утренние занятия³⁰.

Во второй половине дня были спортивные игры, потом еще один смотр – «Посты» (Quarters), чай, самоподготовка в кают-компании и отбой – в 9:20. В воскресенье, как правило, проводилась «чередa скрупулезных проверок офицерами все более высокого ранга», организованное посещение часовни и разные дела по вечерам³¹.

Помимо обычных школьных уроков с упором на математику, физику, естественные науки и военную историю, кадеты обучались морскому делу, навигации, астрономии, инженерному делу, а также изучали дух, обычаи и традиции Королевского военно-морского флота.

²⁶ Owen, p. 34.

²⁷ Ambrose Lampen, *The Gilded Image*, 1978, p. 49.

²⁸ Артур Хэзлетт автору, письмо без даты, 1999 г.

²⁹ Driberg, p. 13.

³⁰ Клин-Осборн автору, 24 марта 1999 г.

³¹ Lampen, p. 52.

Мальчики учились вязать узлы, плести тяжелые канаты, запоминали сигнальные флаги и вывешивали их. Они изучали азбуку Морзе и передачу сигналов с помощью проблесковых фонарей, запоминали сложную систему навигационных огней, которые используют во всем мире. Кадеты выходили в море на минном тральщике «Форрес», принадлежавшем колледжу, в недельное плавание и участвовали в парусных гонках в Диттисхэм-Рич, на реке Дарт или в открытом море³².

Обучение было скучным, от мальчиков требовалось в основном механическое запоминание. Акцент всегда делался на *как* и *что*, а не *почему*. Единственным по-настоящему важным школьным предметом была математика. Действующие морские офицеры поступали на обучение в порядке перевода, как правило, на два года, что считалось наказанием, которое следует отбыть перед возвращением на море и повышением. Влияние такой обстановки на чувствительного и независимого мальчика, уехавшего далеко от дома, недавно потерявшего отца и вынужденного ограничиваться одним визитом матери за целый семестр, вероятно, было весьма существенным. Бёрджесс быстро научился скрывать свои чувства, он адаптировался и пытался придерживаться традиционных установок. Но дисциплина дала ему и много хорошего – качества, которые он пронес через всю жизнь: пунктуальность, способность быть лидером и работать в команде.

Он сразу обратил на себя внимание. В характеристиках отмечается «отличный офицерский материал», всесторонне одаренная личность³³.

Начиная со второго семестра он неизменно был вторым или, чаще, первым в классе, а летом 1926 года получил награды за успехи в естественных и точных науках, истории и географии, среди которых был трехтомник сэра Джулиана Корбетта «Операции английского флота в Первую мировую войну». Бёрджесс был отличным чертежником и картографом, а также художником, вскоре после своего прибытия сделавшим рисунок Уэст-Меона для «Британия мэгэзин». Он играл за свой класс в футбольной команде и регби. Бернард Уорд вспоминал, что этот парень «преуспевал в любой деятельности или науке»³⁴.

Особый интерес он проявлял к истории. Его чрезвычайно увлек труд Альфреда Мэхэна «Влияние морской силы на историю» (1890) и его продолжение, касающееся Французской революции и империи Наполеона, где Мэхэн утверждал, что торговое процветание и безопасность зависят от морского господства. Это было раннее введение в детерминистскую и материалистическую трактовку истории, которой Бёрджесс впоследствии увлекся. Один элемент аргументов Мэхэна – рост американской силы за счет Королевского ВМФ – особенно запомнился мальчику и повлиял на его отношение к Соединенным Штатам. По его мнению, американская политика напрямую привела к сокращению правительственных расходов в начале 1920-х годов, которое особенно сильно ударило по военно-морскому флоту и разрушило карьеру его отца.

Единственное пятно в его характеристиках – «медлительность» в навигации – весьма деликатном предмете, учитывая опыт отца Бёрджесса в 1904 году. Осмотр специалистов выявил причину – плохое зрение. Действующим офицерам флота требовалось острое зрение. Конечно, Бёрджесс мог продолжать заниматься инженерными вопросами, но для карьеры на флоте это, по сути, был приговор.

Как и со многими фактами из жизни Гая Бёрджесса, истина не всегда точно известна, и его отъезд из колледжа связан с путаницей. Плохое зрение нередко являлось эвфемизмом для нечестности и гомосексуализма. Ходили слухи о воровстве – совсем как в случае с маль-

³² Картину Дартмута того времени – он поступил в январе 1927 г. – можно найти в: John Hayes, *Face the Music*, Pentland Press, 1991, pp. 27–39.

³³ Leitch, p. 69.

³⁴ Интервью с Бернардом Уордом, 21 марта 1999 г.

чиком Уинслоу³⁵ которые впоследствии яростно отрицались, и, определенно, подобное было не в характере Бёрджесса – и гомосексуальных наклонностях подростка. Его соученик Робин Тонкс вспоминал: «Я слышал, но только сплетни и к тому же от ненадежного источника, что Бёрджесса посчитали в некоторых отношениях неполноценным как потенциального офицера и его отчисление на основании плохого зрения имело дипломатическую, а не медицинскую основу»³⁶.

Его современники, возможно находясь под влиянием информации о его последующей жизни, излагают разные версии. Джон Гоуэр был уверен, что «Бёрджесс был гомиком и плохое зрение стало возможностью вернуться к обычной жизни с меньшими проблемами»³⁷. А Майкл Крейг-Осборн вспоминал, что «в свой последний день Бёрджесс был чем-то расстроен, выглядел очень мрачным и раздраженным. Я думал, его наказали за это. Хотя, может быть, мрачность была следствием наказания. В общем, я не удивился, узнав, что он уехал»³⁸.

Дэвид Тиббитс полагал, что Бёрджесс украл авторучку. В любом случае «мы все считали его очень утомительным. Он не был популярным и не имел близких друзей. Он был левым»³⁹. А капитан Сент-Джон считал, что он был «другим, как бывший итонец. ...Он был одиночка. Подозреваю, Гай уехал из Дартмута из-за своей гомосексуальности. ...По моему мнению, Гай не был популярным и не любил игры. Не могу утверждать, что его били, но добавлю: уверен, что все члены его класса подвергались наказаниям не единожды. Это был метод, применяемый широко и регулярно»⁴⁰.

Согласно утверждению Джона Кармалта-Джонса, «известно, что Бёрджесс был сексуально привлекательным для мальчиков, возможно, поэтому он уехал из колледжа. Он не преуспевал в играх, но был умным, очень артистичным и хорошим кадетом. Он подчинялся порядку»⁴¹. Тиббитс согласился с этим. «Он был довольно странным парнем и имел не такие взгляды, как все мы. Он был забавным и очень необычным...»⁴²

Представляется странным, что плохое зрение не было обнаружено при первичном медицинском освидетельствовании, но есть свидетельства из последующей жизни Бёрджесса, что оно на самом деле не было хорошим. Вероятно, ему не нравилось в Дартмуте, он не вписался в окружающую обстановку и чувствовал, что его академические таланты могли лучше раскрыться, если он вернется в Итон. Чтобы попасть в Кембридж, Бёрджессу нужна была латынь, которую не преподавали в Дартмуте⁴³.

В целом его отъезд в июле 1927 года был вполне пристойным. Да и в Итоне были рады принять его обратно. Русский куратор Бёрджесса Юрий Модин впоследствии писал: «Лично

³⁵ Имеется в виду пьеса Теренса Реттигена «Мальчик Уинслоу».

³⁶ Робин Тонкс Эндрю Боилу, 10 October 1978, Boyle Papers.

³⁷ Капитан Джон Гоуэр, письмо автору, 12 марта 1999 г.

³⁸ Капитан М. Крейг-Осборн, письмо автору, 24 марта 1999 г.

³⁹ Сэр Дэвид Тиббитс, телефонный разговор, 12 марта 1999 г., Tibbits, письмо автору, 10 марта 1999 г.

⁴⁰ Сэр Дэвид Тиббитс; телефонный разговор, 16 марта 1999 г.

⁴¹ Джон Кармалт-Джонс телефонный разговор, 16 марта 1999 г.

⁴² Сэр Дэвид Тиббитс, письмо автору, 10 марта 1999 г. Дэвид Буканан-Данлон, кровать которого стояла рядом с кроватью Бёрджесса, «не любил его. У него были красивые голубые глаза, и он пользовался этим, чтобы гипнотизировать молодых кадетов». Сэр Джон Лесли к Селии Ли, 21 декабря 2005 г. Еще один соученик, доктор в известной лондонской больнице, впоследствии утверждал, что Бёрджесс был исключен: «Я его помню. Это был умный и очень артистичный парень. Он преуспевал в спорте. Но мне запомнилось, что он был нечестен. Во время пятого семестра – в конце 1925 г. – начались кражи. У меня пропали чертежные инструменты. Однажды я проходил мимо ящика Бёрджесса, который был наполовину открыт, и увидел там свои вещи. Я доложил об этом унтер-офицеру. Потом меня допросил дежурный лейтенант Кавендиш. Он велел мне молчать. Вещи из ящика Бёрджесса изъяли, а сам он уже через несколько часов покинул колледж. Больше мы Бёрджесса в Дартмуте не видели, но ходили слухи, что он ушел из-за плохого зрения. Я ничего никому не сказал, хотя знал, что это не так». Daily Mail, 25 October 1955. Бёрджесс покинул Дартмут в июле 1927 г., так что точность сведений представляется сомнительной. Прошло почти тридцать лет.

⁴³ Согласно данным медицинского обследования Бёрджесса в декабре 1940 г., его зрение было далеко не первоклассным.

я никогда не замечал у него никаких дефектов зрения. ...Он ненавидел Дартмут и, несмотря на юность, был достаточно независимым и упрямым, чтобы заявить родителям, что для Королевского ВМФ будет слишком большой честью заполучить Гая Бёрджесса в свои ряды»⁴⁴.

Дартмут оказался неудачной школой для него. Он был умнее своих соучеников и в последнем семестре стал четвертым по успеваемости, получив награды по истории и Священному Писанию. Тем не менее, он был непопулярен среди учеников и не склонен к карьере военно-морского офицера. Он действительно был одиночкой и, должно быть, радовался возвращению в Итон.

Останься Бёрджесс в Дартмуте, его жизнь сложилась бы по-иному. Он бы стал морским офицером и не учился в Кембридже и, если бы пережил Вторую мировую войну, получил бы адмиральский чин. Среди его соучеников оказалось вдвое больше адмиралов, чем обычно, хотя восемь из них были убиты во время Второй мировой войны. Эта судьба миновала его отца.

⁴⁴ Yuri Modin, *My Five Cambridge Friends*, Headline, 1994, p. 65.

Глава 3. Снова Итон

Осенью 1927 года Гай Бёрджесс после почти трехлетнего перерыва вернулся в Итон. Найджел начал учиться там предыдущей осенью. Фрэнк Доббс был счастлив заполучить Бёрджесса обратно и даже выхлопотал ему для этого краткосрочный отпуск. Он писал: «Мне очень жаль, что твоя карьера на флоте стала невозможной из-за плохого зрения. Но я рад твоему возвращению»⁴⁵. Поскольку Бёрджесс был умным и обаятельным человеком, его возвращение в Итон, судя по всему, прошло нормально. Но постоянные перемены усложнили его взаимоотношения с окружающими, и подросток все больше и больше ощущал себя посторонним в компании.

Он играл в футбол за свой дом, занимался бегом на четверть мили и греблей. Он также вступил в офицерский тренировочный корпус Итонского колледжа – выбор популярный, но не обязательный. Там занятия проходили несколько раз в неделю и были как теоретическими, так и практическими. Ежегодно студенты выезжали в лагерь, который устраивался, как правило, на равнине Солсбери. Бёрджесс занимался военной подготовкой до предпоследнего года обучения и достиг чина ефрейтора.

В конце первого семестра после возвращения в Итон он получил первый школьный сертификат – общий экзамен, который сдают все учащиеся, достигшие возраста шестнадцати лет. Им надо было получить шесть зачетов. Бёрджесс специализировался в истории. Он сделал общий научный доклад, работу по истории, богословию, гражданскому праву или экономике и перевод – французский и латинский.

Теперь важным для наставником Бёрджесса стал учитель истории Роберт Берли, который был всего на восемь лет старше его и получил прозвище Красный Роберт за либерализм. Берли, очень высокий молодой человек ростом 6 футов 6 дюймов, прибыл в Итон несколькими семестрами ранее, получив стипендию Брекенбери в Боллиол-колледже. Ему предстояло оказать важное влияние на Бёрджесса. Оба молодых человека разделяли интерес к литературе и истории. Учившийся в то время в Итоне Найджел Николсон вспоминал, что занятия Берли пользовались большой популярностью.

«Тот говорил: сегодня мы побеседуем об одном из самых замечательных событий в истории – Сицилийской кампании – и потом описывал корабли, доспехи, политику, ход сражений, торжество победителей, и все это с такими эмоциями и таким легким языком, что мы чувствовали себя на Сицилии 420 века до н. э., гребущими на галерах, работающими на рудниках, выступающими в ассамблее»⁴⁶.

Берли руководил обществом эссеистов. В нем каждый приглашенный член читал очерк, написанный на тему по своему выбору, сидя за чашкой какао. Бёрджесс освещал самые разные вопросы, от Раскина до мистера Криви, прославившегося «Записками» Криви (Creevey Papers), которые касались политической и социальной жизни поздней Георгинской эры.

Также сильное влияние на Бёрджесса оказал преподаватель художественного мастерства Эрик Пауэлл, талантливый акварелист, который выступал в команде гребцов за Кембридж и на летней Олимпиаде 1908 года⁴⁷. Гай Бёрджесс стал отличным художником и получал многочисленные награды за свои работы на протяжении всего пребывания в Итоне. Он интересовался искусством, регулярно посещал художественные галереи. На французской выставке в Берлингтон-Хаус он был потрясен «черными мраморными часами» Сезанна. Его собственные рисунки

⁴⁵ Driberg, p. 10.

⁴⁶ Arthur Hearnden, Red Robert, Hamish Hamilton, 1984, p. 64.

⁴⁷ Позже Бёрджесс утверждал, что вместе с Пауэллом занимался скалолазанием в Уэльсе. В 1933 г. его пригласили принять участие в восхождении в Альпах, но он уже принял другое приглашение и уехал с кембриджскими друзьями в Южную Францию. Во время этого путешествия Пауэлл и три его спутника погибли. Driberg, p. 14.

были карикатурами в стиле Домье или политических карикатур журнала «Спай». Дэвид Астор вспоминал, что Бёрджесс постоянно рисовал шаржи на власти предрежающие, тем самым укрепляя свой мятежный дух. Этому же мнению придерживался Майкл Берри. Его рисунки можно было часто встретить в итонских журналах, куда он посылал их и после окончания колледжа⁴⁸.

Роланд Пим, впоследствии ставший художником и иллюстратором, занимавшийся вместе с Бёрджессом литературой и искусством, «не любил его, хотя и не мог объяснить почему. Возможно, из-за его самоуверенности и наглости». При этом он добавлял: «Он мог ораторствовать перед всем классом. Однако, вероятно, был чувствительным, поскольку легко краснел»⁴⁹.

В школе Бёрджесс продолжал свое интеллектуальное совершенствование. В Великий пост 1928 года он стал первым в классе, а к июлю 1928 года – двадцатым в первой сотне, иными словами, вошел в интеллектуальную элиту школы⁵⁰. Теперь он был в шестом классе, а значит, имел специальные привилегии – в частности, имел право носить галстук-бабочку. Бёрджесс утверждал, что никогда не получал удовольствия от другого «бонуса» – посещения порок⁵¹.

В ноябре 1928 года он удостоился похвального отзыва вместе с будущим философом А.Д. Айером в Richards English Essay Prize, а в апреле 1929 года стал вторым в конкурсе по истории Rosebery⁵².

В Рождество 1928 года Роберт Берли писал воспитателю Бёрджесса Фрэнку Доббсу: «В настоящее время он увлечен самыми разными идеями, и он находит весьма нездоровое удовольствие в игре слов и честертонских сравнениях, однако вполне вменяем и, по сути своей, сдержан, поэтому я не думаю, что это имеет большое значение. Прекрасно то, что у него своя голова на плечах. Приятно видеть человека начитанного, увлекающегося, которому есть что сказать о многих вещах – от Вермеера до Мередита. К тому же он живой, веселый и щедрый человек. Думаю, у него хороший характер... У него все должно быть хорошо»⁵³.

После смерти Малколма семья продолжала жить в Уэст-Меоне, хотя она ненадолго переезжала в Олд-Барн – в Чиддинг-фолде – в начале итонской карьеры Бёрджесса. Каникулы он, как правило, проводил в Гэмпшире. Отклонение случилось лишь в апреле 1929 года, когда Бёрджесс, его брат и их мать отплыли из Саутгемптона через Танжер, сопровождая родственника, сахарозаводчика по имени Джон Беннетт Криспин Бёрджесс в Индонезию. Вернулись они спустя три недели, сделав остановку в Коломбо⁵⁴.

Не вполне ясно, когда именно Бёрджесс осознал свои гомосексуальные склонности и каким был его сексуальный опыт в Итоне. Позднее он рассказал русским, что стал гомосексуалистом в Итоне, где это было обычным явлением и даже воспитатели нередко совращали мальчиков. В более позднем сценарии фильма «Влияние», написанном Горонви Рисом, его быют за сексуальные домогательства к мальчику. Гомосексуальность, определенно, не была редкостью. О ней пишут в мемуарах многие старые итонцы. И представляется маловероятным, чтобы весьма привлекательный Бёрджесс остался незамеченным. Позднее он рассказал другу, что отпрыск аристократической семьи пивоваров Гиннесс был по уши влюблен в него. На двери

⁴⁸ Интервью Астора и Берри с Эндрю Бойлом, 26 апреля 1977 г., Boyle Papers 9429/1G/143, Cambridge University Library; A Mixed Grill, 4 June 1930; Motley, 10 July 1931; and The Phoenix, 30 November 1931.

⁴⁹ Пим автору, 5 февраля 2003 г., и интервью 9 февраля 2003 г.

⁵⁰ Будущий писатель и дипломат Фицрой Маклин был первым, А.Д. Айер – вторым, Дэвид Хэдли – четвертым. Хэдли был шафером на свадьбе Айера в 1932 г.

⁵¹ Событием лета стало совращение нескольких итонских мальчиков американской актрисой по имени Таллула Бэнкхед. Среди них был Питер Уилсон, будущий глава «Сотбис».

⁵² В том году он заболел, и победителем стал Кон О'Нейл, впоследствии видный дипломат, а будущий глава либералов Джо Гримонд был пятым.

⁵³ Роберт Бирли Фрэнку Доббсу, 14 декабря 1928 г., см.: Driberg, p. 11.

⁵⁴ Списки пассажиров, родословная.

маленькой комнаты младшего мальчика в доме Доббса была повешена табличка: «Гиннесс хорош для тебя»⁵⁵.

Иллюстрация Бёрджесса в «Миксд Грил», 4 июня 1930 г.

Однако рассказы современников предполагают, что если Бёрджесс и был гомосексуалистом, то в высшей степени осмотрительным. Дик Беддингтон, один из ближайших друзей Бёрджесса в Итоне, не заметил никаких признаков и лишь чувствовал, что это человек скрытный, тщательно хранивший в тайне отдельные аспекты своей личной жизни. Майкл Берри говорил

⁵⁵ Leitch, p. 65.

Эндрю Бойлу, что считает Бёрджесса гомосексуалистом⁵⁶, а Эван Джеймс предполагал, что, возможно, он испытал этот опыт, «но, если бы он занимался этим регулярно, я бы, наверное, услышал»⁵⁷.

Лорд Коули, относившийся к тому же дому, говорил: «Бёрджесс всегда казался вежливым малым, и я никогда не слышал ничего о его гомосексуальности»⁵⁸. Лорд Гастингс утверждал, что, «возможно, он был гомосексуалистом, но довольно много мальчиков имели мягкие гомосексуальные контакты (которые никогда не были оральными, к примеру) и впоследствии выросли совершенно нормальными людьми»⁵⁹.

Воспоминания современников о Бёрджессе очень разные. Многие говорят о его непопулярности, чувстве неполноценности, одиночестве. А другие вспоминают его добросердечность и теплоту. Диаметрально противоположные взгляды на Бёрджесса были характерной чертой всей его двойной жизни. Лорд Гастингс писал: «Трудно анализировать характер мальчика, если ты не принадлежишь к тому же дому, но мне представляется, что Гаю не хватало уверенности в себе. Он пытался понравиться всем, а это редко приводит к популярности»⁶⁰. Майкл Легг считал его «легким человеком, совершенно лишенным застенчивости, и сильной личностью»⁶¹. А Дэвид Филиппс, другой его сверстник, думал, что в Бёрджессе есть «немного от одиночки, немного от бунтаря. Его считали левым и «белой вороной» в части социальных и политических взглядов»⁶².

Уильяму Сеймуру, соседу семейства Бёрджесс в Уэст-Меоне, мальчик нравился. Он запомнился ему как яркий человек, остро интересующийся политикой⁶³. Другой соученик, Мак Джонсон, просто утверждал, что Бёрджесс был «добрым и дружелюбным к маленьким мальчикам»⁶⁴.

Эвелин тяжело пережила смерть мужа и в течение четырех лет жила в уединении, но в конце 1928 года она встретила отставного офицера Джона Бассета, и в июле следующего года они поженились в церкви Святого Мартина «что в полях» на Трафальгарской площади. Гай и Найджел узнали о предстоящем бракосочетании не от матери, а от воспитателя⁶⁵.

Новый муж Эвелин, Джон Бассет, был на семь лет ее старше. Он вышел в отставку в звании подполковника в 1920-х годах. Пара разделяла увлечение скачками, которое, если говорить о Джоне, включало игру на тотализаторе. На вопрос, чем занимается его новый отчим, Гай Бёрджесс, как правило, серьезно отвечал: «Боюсь, он профессиональный игрок». На самом деле Бассет был не просто игроком. Он сделал хорошую военную карьеру. В составе Королевского Беркширского полка служил в Восточной Африке, в Судане, где управлял провинцией Абиссиния, а во время бурской войны работал вместе с Лоуренсом Аравийским. За участие в Первой мировой войне он получил орден Почетного легиона, орден Британской империи и орден «За заслуги», что, безусловно, затмевает орден Нила 4-го класса, полученный Малколмом.

Бёрджесс вернулся в Итон в сентябре 1929 года – это был его последний год обучения – он стал одним из шести мальчиков, выбранных для произнесения речей 5 октября. Он предпочел отрывок из «Истории мистера Полли» Г. Уэллса, на что в издании «Итон колледж кро-

⁵⁶ Майкл Берри Бойлу, 26 апреля 1977 г., Boyle Papers 9429/1G/143.

⁵⁷ Эван Джеймс Бойлу, 4 июля 1977 г., Boyle Papers 9429/1G/143.

⁵⁸ Лорд Коули автору, 12 октября 1998 г.

⁵⁹ Лорд Гастингс автору, 10 января 1999 г.

⁶⁰ Лорд Гастингс автору, 9 февраля 1999 г.

⁶¹ Майкл Легге, письмо автору, 17 августа 2000 г.

⁶² Телефонный разговор Дэвида Филиппса с автором, 28 октября 1998 г.

⁶³ Уильям Сеймур автору, 25 августа 2000 г.

⁶⁴ Марк Джонсон автору, 11 августа 2000 г.

⁶⁵ Тони Бёрджесс автору.

никл» появился следующий отзыв: «Он хорошо обозначил кульминацию, но плохая дикция не позволяла хорошо его слышать»⁶⁶.

Бёрджесс всегда много читал, но теперь его чтение стало в высшей степени политизированным. Можно отметить произведения Артура Моррисона «Дыра в стене» и «Хроники гнусных улиц», а также Александра Патерсона «За мостом», где показаны условия жизни в лондонском Ист-Энде. На формирование политических взглядов Бёрджесса повлияло стремление его учителя истории – Роберта Берли – к социальной справедливости. Визит представителя профсоюза докеров школу и его рассказ о неравенстве между богатыми и бедными укрепил растущий интерес юноши к радикальной политике⁶⁷.

Он вступил в политическое общество, которое встречалось по средам в библиотеке, где выступал Хиллэр Бэлок с рассказом об упадке парламентаризма в Центральной Европе, Г.К. Честертон с речью о демократии и Пол Гор-Бут, говоривший о русском большевизме⁶⁸. В июле 1929 года Бёрджесс был выбран в комитет, секретарем которого стал его друг Дик Беддингтон. Представляется очевидным, что некое происшествие в мае 1930 года привело к решению об «исключении мистера Бёрджесса из комитета» и его просьба о восстановлении была отвергнута. Все это предполагает какие-то разногласия. Впоследствии Бёрджесс утверждал, что избрание лейбористского правительства в 1929 году «произвело впечатление» на него, и он высказался «в пользу социализма в разговоре с сыном американского миллионера» Роберта Гранта⁶⁹.

Он проявлял большую активность в недавно возрожденном дискуссионном обществе, которое собиралось по понедельникам. 3 октября 1929 года оно обсуждало, хороша или плоха английская система общеобразовательных средних школ, а 10 октября оно решало, можно ли считать Россию страной будущего. 25 октября, когда полицейские отряды по охране общественного порядка разгоняли толпы на Уолл-стрит, Бёрджесс участвовал в дискуссии, «нужны ли радикальные перемены в Итоне, учитывая подъем социализма». Предложение было внесено Дэвидом Хедли, и Бёрджесс его активно поддержал, хотя в итоге они остались в меньшинстве: 38 против 50.

Согласно Дику Беддингтону, светловолосый Дэвид Хедли – имевший рост 6 футов – был блестящим студентом. Он и Бёрджесс, безусловно, «составляли самую интересную пару в Итоне того времени»⁷⁰. Хедли был футболистом, компанейским, веселым, симпатичным парнем, чемпионом игры в пристенок, обладателем многочисленных наград, редактором «Итон колледж кроникл», отличным гребцом. Предположительно, он был сексуальным партнером Бёрджесса.

К январю 1930 года Бёрджесс стал вторым – после Хедли – в шестом классе, войдя в десятку лучших учеников. В том же месяце Бёрджесс выиграл стипендию по истории в Тринити-колледже, Кембридж, а Хедли – по классической литературе в Королевском колледже, Кембридж.

По рассказу самого Бёрджесса, когда он встретился с экзаменаторами впоследствии, они сказали, что никогда раньше не давали открытую стипендию человеку, который знает так мало, как он. Очевидно, решение было принято в его пользу на основании одной исключительно многообещающей работы, касающейся Французской революции, в которой он высказал энергичное неодобрение Каслри⁷¹.

⁶⁶ Eton College Chronicle, 10 October 1929.

⁶⁷ Driberg, p. 12.

⁶⁸ Гор-Бут позже служил с Бёрджессом в Вашингтоне, но подозрения в шпионаже не помешали ему стать заместителем министра иностранных дел, 1965–1969.

⁶⁹ Eton Archives, SCH/SOC/Pol/1.

⁷⁰ Интервью с Диком Беддингтоном, 27 ноября 1998 г.

⁷¹ Driberg, p. 15.

Бёрджесс завоевал большинство итонских наград. Он был награжден цветами дома, был одним из лучших футболистов и лучшим пловцом. Также он был членом кооптированной Библиотеки (из старших учеников) в своем доме, где даже один черный шар исключал вступление. Это предполагает, что он был не таким уж непопулярным, хотя, относясь к шестому классу, мог быть капитаном дома⁷².

Тем не менее один знак отличия ему никак не давался. Он не был членом элитного клуба «Поп», куда входило от двадцати четырех до двадцати восьми мальчиков. У них имелись определенные привилегии: они могли носить цветные жилеты, зонтики и бить палкой тех, кто в клуб не входил. Между сентябрем 1929 и маем 1930 года кандидатура Бёрджесса выдвигалась несколько раз. Его поручителями, среди прочих, были Дэвид Хедли и Майкл Берри. Его неудача могла объясняться вполне обычной причиной: в его доме уже было два члена клуба «Поп» – президент Роберт Грант – виртуоз ракетки, и Тони Берлейн, в течение трех лет защищавший за Итон калитку (в крикете)⁷³. Бёрджесс был умен, но «Поп» отдавал предпочтение спортивным, а не академическим достижениям и аристократам, а не детям военных офицеров.

Это совершенно не удивило другого сверстника Бёрджесса – Питера Кальвокоресса: «Я не считаю странным тот факт, что он так и не попал в «Поп»: первоклассный игрок, исключительно хороший парень – он не был ни тем ни другим»⁷⁴. Позже Берри признал: «Когда дошло дело до приема Бёрджесса, я, к своему удивлению, обнаружил, что он совершенно не популярен. Любям он не нравился»⁷⁵.

Несмотря на отсутствие членства в клубе «Поп», последние дни Гая Бёрджесса в Итоне были полны славы. Он играл заметную роль на школьном праздновании 4 июня, которое почтил присутствием король, пожаловавший офицерскому тренировочному корпусу новые цвета. Утром Гай Бёрджесс, одетый в бриджи и черные чулки, прочитал «Хорошие вещи» Саутвелла. В «Итон колледж кроникл» было отмечено: «Только два из прозаических отрывков пострадали, оттого что их читали слишком тихо. В случае с Бёрджессом проблема была в плохой дикции. Каталог «хороших вещей» – сложная идея для передачи. Он, однако, хорошо передал минорную тональность отрывка»⁷⁶. Он сыграл сэра Кристофера Хаттона в «Критике» Шеридана, а несколько его шаржей попали в «Миксд Грил», журнал, изданный для этого дня. Вечером он греб на «Монархе», главной лодке процессии, в которой участвовали такие школьные знаменитости, как Хедли, Макгилликади и Грант.

Месяцем позже его карьера в Итоне была завершена. По результатам финальных экзаменов он получил именную стипендию Гладстона, а также написанный Джоном Морли двухтомник, посвященный жизни Гладстона и подписанный членом его семьи. Также он получил Geoffrey Gunther Memorial Prize за дизайн. В целом его школьная карьера была успешной. Роберт Берли позднее сказал Эндрю Бойлу, что Бёрджесс обладает даром смотреть в корень вопроса и в его работах нередко встречаются проницательные мысли. Все годы обучения в Итоне прошли без изъянов. Талантливый и вежливый, грамотно излагающий свои мысли, он избегал неприятностей. Никаких намеков на проступки или недостатки в характере. Член общества эссеистов, причем хороший. Он имел природную склонность к истории и хорошо зарекомендовал себя в Итоне⁷⁷.

Отношение Бёрджесса к школе было сложным. Стивен Рансимен, старый итонец, учивший его в Кембридже, впоследствии утверждал: «Он получил удовольствие в Итоне, хотя не

⁷² Интервью с Кристофером Хантли, 24 августа 2000 г.

⁷³ Грант уехал в Гарвард и выиграл в 1937 г. чемпионат по теннису среди любителей; Берли стал журналистом «Дейли экспресс» и писателем и был убит в 1941 г.

⁷⁴ Питер Кальвокоресса автору, 4 декабря 1998 г.

⁷⁵ Leitch, p. 80.

⁷⁶ Eton College Chronicle, 6 June 1930.

⁷⁷ Интервью Роберта Бирли с Бойлом, 18 апреля 1977 г., CUP 3841.

любил его. И смеялся над ним»⁷⁸. Тем не менее Бёрджесс сформировался как личность именно в Итоне. Там же он приобрел необходимые контакты. К школе он сохранил прочную эмоциональную привязанность. Позднее он заявил, что, хотя не одобрял «образовательную систему, частью которой является Итон», будучи старым итонцем, он сохранил «любовь к Итону как к месту и восхищение его либеральными методами». Он продолжал носить галстук старого итонца – и хвастался, что является одним из немногих старых итонцев, носивших галстук всю жизнь, – и нередко приезжал в школу, чтобы повидаться с Доббсом и Берли или посетить службу. Он вспоминал, как проводил летние выходные в ялике, пришвартованной у Лаксморз-Гарден⁷⁹.

⁷⁸ Интервью с сэром Стивеном Рансимоном, 2 августа 1998 г.

⁷⁹ Driberg, p. 14.

Шарж Гая Бёрджесса в итонском журнале «Мотли», 10 июля 1931 г.

Глава 4. Студент Кембриджа

После месячного посещения родственников в Канаде вместе с матерью и Найджелом Гай Бёрджесс в начале октября 1930 года отправился в Кембридж – в Тринити-колледж – и получил комнату в доме 14 в Нью-Корт, недалеко от Грейт-Корт. Тринити-колледж, основанный Генрихом VIII в 1546 году, был самым величественным, богатым и обширным из кембриджских колледжей. Бёрджессу в это время было девятнадцать с половиной лет, иными словами, он был немного старше других студентов. К тому же он, несомненно, выглядел искушенным и эффектным. Кембридж был идеальным местом для него. Здесь он мог войти в определенные круги и, получив от матери щедрое содержание, насладиться интеллектуальными стимулами и сексуальной свободой. Он был богаче, чем многие его соученики.

Первым делом он стал членом эксклюзивного клуба «Питт», расположенного на Джисус-Лейн. Это был суший рай для аристократов и отпрысков привилегированных семейств. Он там обедал каждый день с бутылочкой «Либфраумильх» 1921 года⁸⁰. Он общался с некоторыми итонцами, однако, если верить Майклу Визи, тоже учившемуся и в Итоне, и в Кембридже, «хотя он пытался быть на дружеской ноге со старыми итонцами... они им не интересовались. Мои друзья считали его кичливым и ненадежным засранцем⁸¹. И наоборот: Майкл Грант, изучавший классическую литературу, описывал Бёрджесса как «популярного, особенно среди тех, кто был с ним в школе (я не был), главным образом, потому, что он был дружелюбным и веселым»⁸².

В Тринити было несколько преподавателей-историков: Дж. Р.М. Батлер, опубликовавший «Историю Англии 1815–1918», впоследствии ставший профессором истории, кафедра которого учреждена королем, Джордж Китсон Кларк, а также Аутрам Евеннет, эксперт по вопросам контрреформации. И наконец, следует отметить преподобного Фредерика Симпсона, в 1911 году избранного членом научного общества Тринити и оставшегося таковым до самой смерти в 1974 году в возрасте девяноста лет. Симпсон был признанным автором двух томов из предположительно четырехтомного труда, посвященного жизни Наполеона. Он стал близким другом Бёрджесса.

Это был высокий темноволосый сутулый человек с угловатым лицом. Он всегда ходил в матерчатой кепке и свисающем сером шарфе. В юности он ходил по Английскому каналу на собственной одноместной яхте, а позже, став настоятелем собора, подверг сомнению божественность Иисуса. Он не был женат и часто посещал университетский бассейн, где студенты плавали обнаженными.

Стивен Рансимен, также бывший учителем Бёрджесса, находил своего студента «очень умным мальчиком». «Интересный ум, но крайне недисциплинированный. Такие иногда появляются в Итоне. Юный революционер. ...В те дни он был довольно компанейским, правда немного неопрятным. Мне часто приходилось отсылать его, чтобы парень вычистил грязь из-под ногтей»⁸³.

Бёрджесс продолжал интересоваться историей и литературой. В конце первого семестра он был избран в историческое общество Тринити, в которое входило всего двадцать пять самых многообещающих студентов и выпускников. Бёрджесс регулярно посещал этот клуб. Среди прочих членов был Ким Филби, который годом раньше прибыл из Вестминстерской школы,

⁸⁰ Driberg, p. 17.

⁸¹ Письмо от Майкла Визи автору, 25 августа 2000 г.

⁸² Письмо от Майкла Гранта автору, 21 апреля 1999 г.

⁸³ Интервью с сэром Стивеном Рансименом, 2 августа 1998 г.

где был стипендиатом. Членство в клубе оказало большое влияние на формирование политических взглядов Бёрджесса.

Вместе с Бёрджессом был избран Джим Лис, бывший шахтер из Ноттингема, выигравший профсоюзную стипендию в Тринити. Этот человек стал его другом на всю жизнь и оказывал на него радикализирующее влияние. Лис окончил школу в четырнадцать лет и был членом маленькой группы бывших шахтеров, которых поддерживал Фонд благосостояния шахтеров – Miners' Welfare Fund. Этот лысоватый юноша в очках принадлежал к независимой Лейбористской партии. Позднее Бёрджесс признал, что Лис «многому научил его и растревожил совесть». Лис убеждал Бёрджесса: «Ты станешь первым, потому что твоя энергия еще не истощена жизнью, из-за классовых предрассудков экзаменаторов, и потому что ты сюда легко попал и не боишься. Я буду работать вдесятеро больше тебя, но стану только вторым».

Бёрджесс принял это, считая, что Лис знает больше. «Он был заинтересован в истине, а я – в блеске. Я сочинял эпиграммы, а он получал правильные ответы»⁸⁴. Лис оказался прав. В первый же год Бёрджесс получил высший балл на экзамене – единственный из тринадцати историков Тринити.

Жервез Маркхэм, секретарь шекспировского общества Тринити, которое собиралось раз в две недели, чтобы прочитать очередную шекспировскую пьесу, позже писал о Бёрджессе: «Он был толстым, грубым и неопрятным. Мне приходят в голову определения «женоподобный» и «сластолюбец». Я только что посмотрел в словаре значения этих слов и убедился, что они характеризуют его в полной мере⁸⁵. Думаю, он презирал тех из нас, кто играл в традиционные игры и увлекался спортом. Я не могу связать его ни с одним видом физической деятельности на свежем воздухе. Перед моим мысленным взором он предстает сидящим в избыточно роскошной комнате, где пахнет ладаном (или это марихуана?)... Я помню бронзовую фигуру Будды, у которой, благодаря его манипуляциям, дым пошел из пупка. По его мнению, это было смешно, по-моему – отвратительно. Я не припомню, чтобы когда-то разговаривал с ним о политике, но помню, что он проявлял склонность к студентам, симпатизировавшим коммунистам. Но я не могу представить его себе имеющим «высокие идеалы» или трудящимся на благо человечества. Мне кажется, что он – эгоист до мозга костей, пекущийся исключительно о своих сомнительных удовольствиях»⁸⁶.

Любовником Бёрджесса в первый год его пребывания в Кембридже был Джек Хантер, американец, который уже год изучал английский в Тринити. Его отцом был голливудский режиссер Т. Хейес Хантер, хотя сам Джек всегда утверждал, что является незаконным сыном Дугласа Фэрбэнкса⁸⁷.

Преподаватель рисования в Итонском колледже Эрик Пауэлл предложил Бёрджессу, покидавшему Итон, отказаться от зарядки, сказав: «Если ты продолжишь делать зарядку сейчас, придется делать это всегда». Этот совет молодой человек принял, сделав исключение только для плавания. Но он продолжал интересоваться искусством и на неделе гребных гонок 1931 года в Кембридже нарисовал декорации для спектакля любительского драматического клуба Дэди Райлендса «Обращение капитана Брассбаунда» – по пьесе Бернарда Шоу. В нем играли Майкл Редгрейв, тогда президент ADC (Amateur Dramatic Club – любительский драматический клуб), и будущий телеведущий Артур Маршалл. Редгрейв вспоминал, что это были «очень хорошие декорации. Бёрджесс был одной из ярких звезд университетской сцены, судя по слухам способный приложить руки ко всему»⁸⁸.

⁸⁴ Driberg, p. 18.

⁸⁵ Возможно, лучше всего его описать как имеющего характеристики обоих полов и одержимого наслаждениями.

⁸⁶ Письмо Жервеза Маркхэма автору, 2 октября 1998 г.

⁸⁷ Хантер стал сценаристом. Впоследствии он женился, осел в Кембридже и дожил до почтенного возраста 104 лет. «Гай всегда говорил, что он его лучший друг в Кембридже. Приятнейший человек». Питер Поллок автору, 17 ноября 1998 г.

⁸⁸ Michael Redgrave, In My Mind's Eye, Coronet edition, 1984, p. 90.

Тем летом Бёрджесс впервые встретил Энтони Бланта, который окончил Тринити-колледж годом раньше с высшими баллами и был магистрантом. Они встретились на удивление поздно, тем более учитывая, что вращались в одних и тех же кругах. Их познакомил или Майкл Редгрейв, который редактировал студенческий журнал «Венчур» с Блантом, или Дэди Райлендс⁸⁹.

«Тогда он мне не понравился, потому что он сразу начал говорить нескромные вещи о личной жизни людей, совершенно мне неизвестных, – вспоминал Блант. – Но когда я лучше узнал его, то не мог не восхититься живостью его ума и широтой интересов. Не было не одной темы, по которой ему нечего было сказать, и, хотя его идеи не всегда подтверждались доказательствами или были тщательно продуманными, в них было что-то, стимулирующее мышление, заставляющее ум его собеседника работать в новом направлении»⁹⁰.

Во многих отношениях Бёрджесс был противоположностью Бланта – скандальный, болтливый, нескромный, склонный к бунтарству, – но вместе с тем у них было много общих интересов. «Мне многое дали беседы с Гаем, – позже писал Блант. – Я часто ходил на выставки с ним и не знал других людей, с которыми мне было бы так интересно смотреть на картины или строения...»⁹¹

Их притягивал друг к другу и гомосексуализм, к которому оба испытывали склонность, однако неизвестно, были ли они любовниками. Питер Поллок и Джек Хьюит, которые спали и с Бёрджессом, и с Блантом, утверждали, что любовная связь между ними была невозможна, поскольку оба предпочитали «женскую» роль в половом акте. Однако брат Бланта Уилфрид говорил другу, что Энтони совратил именно Бёрджесс. Это же подтверждает Эндрю Бойл⁹².

Бёрджесс, не скрывавший своих сексуальных предпочтений, часто играл роль сводника или отца-исповедника для своих друзей, сексуально освобождая их или лично (переспав с ними), или представив другим партнерам. Бланта он, определенно, познакомил с радостями агрессивного гомосексуализма. Энтони был очарован ярким, веселым, раскованным молодым человеком, который со знанием дела мог беседовать на самые разные темы. Джефффри, познакомившийся с Блантом при посредстве кембриджских геев, считал, что Бёрджесс освободил Бланта. По его мнению, «Гай олицетворял все то, что Энтони держал глубоко внутри себя»⁹³.

Роберт Берли, посетивший Бёрджесса тем летом, был шокирован, обнаружив собрание порнографических и марксистских трактатов на книжных полках его комнаты. Его бывший ученик явно изменился⁹⁴.

После летних каникул Бёрджесс вернулся в Кембридж на второй год обучения. Этот период оказался в высшей степени политизированной ситуацией в мире. Безработица достигла 3 миллионов, произошел мятеж моряков в Инвергордоне, Великобритания была вынуждена отказаться от золотого стандарта, и Рамсей Макдональд сформировал многопартийное коалиционное национальное правительство. В то же самое время возрастала политическая нестабильность на континенте, особенно в Германии. Кембридж не был изолирован от всех этих событий, и его реакция выразилась как в открытой, так и в тайной деятельности. Летом 1931 года было сформировано социалистическое общество Кембриджского университета. Его организатором стал Гарри Дауэс, еще один бывший шахтер. Общество стало средоточием левого радикализма в университете, там было много коммунистов.

⁸⁹ Джек Хьюит утверждает, что Бёрджесс впервые встретил Бланта, когда сдавал экзамен на стипендию, и его набросок Энтони сделан именно тогда. Впрочем, это представляется маловероятным. Интервью Хьюита, 5 марта 1984 г.

⁹⁰ British Library, Blunt Manuscript, ADD Ms 88902/1 handwritten addition, p. 14.

⁹¹ ADD MS 88902/1, p. 15.

⁹² Christopher Mayhew, *A War of Words*, Tauris, 1988, p. 6, 'Blunt "was Burgess's lover"', *Observer*, 13 January 1980.

⁹³ Интервью с Джефффри Райтом 9 февраля 2003 г.

⁹⁴ В Тринити ходили слухи, что Гай обладает коллекцией плеток и использует их в садомазохистских оргиях. Leitch, p. 93.

Важной фигурой был Дэвид Хейден Гест, сын политика-лейбориста. Он поступил в Тринити годом раньше Бёрджесса для изучения философии и математической логики у Людвига Витгенштайна. После двух семестров он перевелся в Университет Геттингена, привлеченный продвинутым преподаванием в нем философии. Там он стал свидетелем зарождения нацистского насилия и пришел к выводу, что только коммунизм может противостоять Гитлеру. По возвращении в Кембридж – после двухнедельного одиночного заключения в германской тюрьме за участие в коммунистической демонстрации – он вошел в холл колледжа с эмблемой серпа и молота в руке. Гест, в комнате которого почти не было мебели, зато на самом видном месте висел портрет Ленина, стал первым секретарем университетского отделения коммунистической партии, куда входили два преподавателя – Морис Добб и Рай Паскаль, а также Джим Лис⁹⁵.

Добб был сыном богатого землевладельца из Глостершира. Он заинтересовался марксизмом во время обучения в школе Чартерхаус и в 1922 году вступил в коммунистическую партию. Он несколько раз бывал в СССР и часто выступал в Кембридже с речами о достижениях советского общества. У него была квартира в небольшом доме на Честертон-Лейн. Две другие квартиры в этом же доме занимали Рой Паскаль и Хью Сайкс Дэвис – оба марксисты. Поэтому их дом стал называться «Красный дом»⁹⁶.

2 ноября на собрании в комнатах Джорджа Китсона Кларка Бёрджесс был избран в комитет исторического общества Тринити-колледжа и услышал выступление Добба, тогда преподавателя экономики из Пемброк-колледжа, на тему: «Коммунизм: политическая и историческая теория». Бёрджесс постепенно все больше интересовался марксистскими теориями, которые оформлялись в дискуссиях с современниками, такими как Лис, утверждавший, что компромисс с властями не работает и левые должны стать более радикальными. Большое влияние на него оказало прочтение труда Ленина «Государство и революция», полученного от Дэвида Геста. Двухтомник Симпсона о Наполеоне теперь сменил фундаментальный труд Карла Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта и классовая борьба во Франции».

Бёрджесс впоследствии утверждал, что его интерес к коммунизму имел «интеллектуальную и теоретическую, а не эмоциональную основу». Как один из предметов для сдачи экзамена по истории он изучал «теорию современного государства. Что такое государство – вопрос, в котором общее изучение истории тесно соприкасается с реальной жизнью». И Бёрджесс был уверен, что ему во многом поможет марксизм. 30 мая 1932 года это убеждение подверглось проверке. Он сдавал первую часть экзамена (Tripos) – работы по общеевропейской истории, английской конституционной и экономической истории. Спустя три недели были обнародованы результаты. Бёрджесс оказался среди пятнадцати лучших по университету⁹⁷.

У него возникла тесная дружба с преподавателем Стивеном Рансимином, холостяком и старым итонцем, бывшим на восемь лет старше Бёрджесса. Его комнаты в Нэвил-Корт были известны французскими гризайлевыми обоями 1820-х годов с изображениями Купидона и Психеи, изысканными безделушками и «зеленым попугайчиком по имени Бенедикт, которого он шлепал карандашом за плохое поведение»⁹⁸. У обоих мужчин было много общего: они разделяли интерес к литературе, истории и сплетням. Бёрджесс и Рансимен встречались практически каждый день с осени 1932 до 1934 года и почти наверняка были любовниками⁹⁹.

⁹⁵ Среди первых членов был Ричард Кларк, впоследствии чиновник Уайтхолла и отец политика Чарльза Кларка. По словам Чарльза Кларка, его отец часто ходил на футбол с Бёрджессом и Маклином. Интервью с Чарльзом Кларком, 27 февраля 2015 г.

⁹⁶ Если верить H.S. Ferns, *Reading from Left to Right*, University of Toronto Press, 1983, p. 222, Паскалю было предложено стать советским агентом-вербовщиком, но он отказался.

⁹⁷ Driberg, p. 18.

⁹⁸ Obituary, *The Times*, 2 November 2000.

⁹⁹ Рабочие дневники Рансимиена, предположительно от Minoo Dinshaw.

Рансимена волновали личные проблемы Бёрджесса и его поведение. Он вспоминал, как друзья студента старались умерить его пьянство. Он считал, что Бёрджессу не хватает уверенности в себе и «алкоголь дает ему силу вести себя плохо»¹⁰⁰. Впоследствии он утверждал, что спас Бёрджесса от исключения, а тот в благодарность подарил ему два маленьких черно-золотистых подсвечника эпохи Регентства, сделанные из эбонита и золоченой бронзы¹⁰¹.

В летние каникулы 1932 года Ранисмен пригласил Бёрджесса на шотландский остров Эгг, которым владела его семья. По мнению хозяина, Бёрджесс оказался «живым и приятным гостем»¹⁰². Среди гостей также были: преподаватель католической истории Аутрам Евеннет с супругой; великолепная Анна Барнс (без мужа Джорджа) и другие студенты, по большей части гомосексуалисты. Они проводили каникулы загорая, читая и исследуя остров. Среди них был Джефффри Райт, член престижного клуба «Футлайт», которому Бёрджесс не понравился.

«Он был грязный человек – очень умный, проницательный, но агрессивный и грубый. Он никогда не упускал своего. ...Он был лишен комплексов и, я уверен, не испытывал никакого неудобства из-за своей гомосексуальности. Он любил острые ощущения, ему нравилось находиться на грани... Любопытная, сказочная фигура»¹⁰³.

В октябре Бёрджесс начал третий учебный год в Кембридже. Теперь он жил в М2 – больших комнатах на Грейт-Корт. Теперь он был обладателем награды колледжа за успехи в истории и стипендии графа Дерби, присуждаемой студенту колледжа, наиболее отличившемуся в экзаменах по истории.

Месяцем позже Бёрджесс стал членом общества апостолов, спонсируемого Энтони Блантом¹⁰⁴. Это общество – одно из самых известных тайных обществ в мире – было основано в 1820 году, как своего рода дискуссионный клуб, который привлекал самые яркие умы Кембриджа. Правда, большинство его членов учились только в двух колледжах – Королевском и Тринити. Высшая точка развития общества пришлась на начало XII столетия, когда среди его членов были философы Джордж Эдвард Мур и Бертран Рассел и математик Годфри Харолд Харди, но впоследствии оно тоже считалось клубом суперинтеллектуалов, допускавшим в свои ряды только несколько членов в год.

Апостолы, как и многие подобные общества, имели свои ритуалы и собственный язык, что помогало им сохранить чувство исключительности. Потенциальные члены – их называли «эмбрионами» (зародышами) – сначала отбирались апостолом, а потом, если кандидатура получала одобрение, за нее поручался член общества – «отец». Первое собрание для нового члена было его «рождением». Он должен был дать клятву и после принятия в члены общества обращаться к другим апостолам – «брат».

Общество собиралось по субботам или в Тринити, или в Королевском колледже. Члены общества по очереди читали очерк по какому-либо философскому вопросу, утвержденному неделей раньше. После того как оратор заканчивал чтение, начиналась дискуссия. По завершении интеллектуальной прелюдии подавались сардины на тостах – известные как «киты». Общество также устраивало ежегодные обеды в Лондоне, на которые собирались апостолы и ангелы – члены общества, получившие крылья и покинувшие Кембридж.

В тот период, когда в Кембридже учился Бёрджесс, среди апостолов, многие из которых были гомосексуалистами, находились королевский профессор истории Д.М. Тревелиян, писатель Э.М. Форстер, литературный критик Десмонд Маккарти, личный секретарь Черчилля и

¹⁰⁰ Интервью со Стивеном Рансименом, 2 августа 1998 г.

¹⁰¹ Письмо Десмонда Сьюарда автору, 23 августа 2013 г.

¹⁰² Интервью со Стивеном Рансименом, 2 августа 1998 г.

¹⁰³ Интервью с Джефффри Райтом 9 февраля 2003 г. Впоследствии Райт стал писать музыкальные пьесы.

¹⁰⁴ Тема – «Должен ли Блант стать рептилией?». Большинство, в том числе Бёрджесс, решили, что нет.

близкий друг Руперта Брука Эдвард Марш, экономист Джон Мейнард Кейнс, философ Людвиг Витгенштайн.

Неудивительно, что Бёрджесс стал одним из них. Многие его друзья, такие как Джулиан Белл, любовник Энтони Бланта, и Дэди Райлендс из Королевского колледжа, уже были членами общества. Тем не менее прием был очевидным признанием его высоких интеллектуальных достижений. Бёрджесс стал активным членом общества, посещал практически все собрания, иногда принимал их у себя и в конце концов, в июне 1933 года, стал секретарем общества.

Апостолы привлекали его своей любовью к новым идеям и интересной беседе и давали ему возможность устанавливать связи – этим ресурсом он пользовался до конца жизни. Многие авторы полагали, что именно апостолы политизировали Бёрджесса и Бланта, но изучение их протоколов показало, что в начале 1930-х годов они были просто обществом, исследующим абстрактные идеи. Правда и то, что из тридцати одного апостола, избранного между 1927 и 1939 годами, пятнадцать были коммунистами или марксистами, но большинство из них были членами общества в более позднее время, после Бёрджесса. Скорее не апостолы политизировали Бёрджесса, а наоборот. Он и Блаунт помогли коммунистам проникнуть в важное университетское общество. Виктор Ротшильд писал Кейнсу: «Мы без конца на собраниях говорим о коммунизме, а это очень скучно»¹⁰⁵.

Ротшильд был принят в общество в то же время, что и Бёрджесс, и тоже при поддержке Энтони Бланта. Он приехал в Тринити из Хэрроу в 1929 году для изучения естественных наук, но переключился на степень без отличия в английском и французском языках и биологии, по которым получил высшие баллы. Красивый интеллигентный человек, талантливый спортсмен – он играл в крикет за Нортгемптоншир и Кембридж, великолепный джазовый пианист и наследник банковской империи Ротшильдов, Виктор был очень богат.

Он был яркой фигурой – водил «бугатти», собирал картины, английское серебро и редкие книги – и щедрым другом. В 1933 году он «ссудил» Блаунту 100 фунтов на покупку картины «Элеазар» и «Ревекка у колодца» Никола Пуссена на Джермин-стрит. Но и у него были свои скелеты в шкафу¹⁰⁶. Осенью 1931 года он, направляясь из Кембриджа в Лондон, сбил велосипедиста и попал под суд за убийство. Его защищал Сент-Джон Хатчинсон, на дочери которого он потом женился¹⁰⁷.

Апостолы считали себя особенными и держались обособленно. Среди добродетелей апостолов были следующие: сексуальная и эмоциональная честность, правдивость, красота и дружба, и они считались выше традиционной сексуальной морали и ортодоксии. Многие апостолы также входили в группу Блумсбери – собрание писателей, философов, экономистов и художников, как правило левых, пацифистов, любителей искусства и друг друга. Группа находилась под влиянием философа и апостола Джорджа Эдварда Мура, который верил, что «приязненные личные отношения и размышления о красоте – самый хороший психологический настрой». Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что апостолы оказались открытыми коммунистическому влиянию.

Судя по темам, которые Бёрджесс выбирал для своих выступлений, к весне 1933 года он вплотную заинтересовался марксизмом. Его темы в течение семестра включали: «Мне или нам?», «Является искусство чем-то большим, чем просто ремесло?» и «Абсолютна ли реальность?». А 28 января он дал глубокий марксистский анализ темы «Является ли прошлое указателем?». Ясно, что марксизм медленно, но верно укоренялся в университете.

¹⁰⁵ Материалы Кейнса. Королевский колледж, без даты, но, судя по контексту, январь 1934 г. Первое марксистское поколение апостолов – Деннис Проктор, Алистер Уотсон, Хью Сайкс-Дэвис, Ричард Льюэлин-Дэвис.

¹⁰⁶ Картина была продана за 192 500 фунтов в 1983 г.

¹⁰⁷ Некоторые авторы полагают, что этот скандал, который был замат, сделал его уязвимым для шантажа.

3 марта в «Письме из Кембриджа», опубликованном в журнале «Спектейтор», отмечено, что «политика и религия, недавно обычные статисты в драме дебатов, неожиданно снова вошли в моду; доктор Бухман и Карл Маркс греются в теплом свете прожекторов интереса, от которых они так решительно оттолкнули Пруста и Пикассо... большая часть пустой болтовни исчезла...»¹⁰⁸ Двумя месяцами позже тот же корреспондент отметил, что социалистическое общество движется влево и коммунистическое мировоззрение стало составной частью студенческого мнения¹⁰⁹.

В ходе 1932 года социалистическое общество Кембриджского университета (CUSS) существенно выросло и присоединилось к Коммунистической партии Великобритании (CPGB). В нем было только двадцать пять членов, и оно имело самые сильные позиции в Тринити-колледже. Среди его членов был Ким Филби, выполнявший функции казначея, философ Морис Корнфорт, работавший секретарем городского отделения коммунистической партии, и Гест – секретарь университета.

Другой организацией, в которую проникли коммунисты, было историческое общество Тринити, где 8 мая Филби (но не Бёрджесс) услышал речь Джона Стрэчи «Коммунизм и фашизм: историческая альтернатива», впоследствии вошедшую в его книгу «Угроза фашизма». Виктор Кирнан, учившийся на курс позже Бёрджесса, был настроен «сделать общество марксистской дискуссионной площадкой с акцентом на экономическую трактовку истории». В итоге оно стало такой же плодородной почвой для коммунистических идей, как общество апостолов¹¹⁰.

На третьем курсе Бёрджесс продолжал упорно учиться, но уже появились признаки того, что его политическая деятельность мешает академической успеваемости. Том Дриберг в авторизованной биографии Бёрджесса впоследствии написал, что Гай снова получил высшие баллы в части II экзамена Tripos, хотя болезнь помешала ему завершить работы. Болезнь была все та же, мучившая его с шестнадцатилетнего возраста, – бессонница, нередко усугублявшаяся сильнейшими головными болями¹¹¹.

Строго говоря, Бёрджесс получил не высшие баллы, а *aegrotat* – диплом, выдаваемый студентам, не сдавшим выпускные экзамены по болезни. Неясно, была ли эта болезнь настоящим нервным срывом. К примеру, его друг Горонви Рис позже утверждал, что все это было притворство, поскольку Бёрджесс попросту ничего не делал. Майкл Грант, тоже студент Тринити-колледжа, писал: «Гай считал, что ничего не должен делать, кроме как трудиться по четырнадцать часов в сутки непосредственно перед экзаменами и пить много крепкого кофе. На этом он и сломался»¹¹². Другой студент Тринити, лорд Терлоу, заявил, что Бёрджесс перед экзаменом принял амфетамины и в самый разгар работы ему стало плохо. Еще один студент писал, что это был бензедрин, но его незаконченные работы все равно были первоклассными¹¹³.

Вскоре после окончания экзаменов на вечеринке, устроенной Эриком Дунканном (позже граф Бессборо), Бёрджесс заметил симпатичного молодого человека с эмблемой Бруклендса на булавке для галстука. Микки Берн писал книгу о гоночном треке, и эти двое сразу ощутили тягу друг к другу. Их роднила любовь к машинам и восхищение А.Э. Хаусманом. В ту же ночь они стали любовниками. Берн был на полтора года моложе Бёрджесса. Он после года

¹⁰⁸ Spectator, 3 March 1933.

¹⁰⁹ Ibid., 5 May 1933.

¹¹⁰ Фернс цитирует John Costello, *Mask of Treachery*, Collins, 1988, p. 249.

¹¹¹ Driberg, pp. 15–16.

¹¹² Carter, pp. 102–103.

¹¹³ Интервью лорда Терлоу 21 января 1999, с. 87. В 1942 г. Бёрджесс признался: «И все равно я понимаю экзаменационные страхи. Обычно у меня был нервный срыв перед экзаменами. Обычно. Но бывало и хуже. Спроси А, кто меня выхаживал». Guy Burgess to Peter Pollock, postmarked London, 20 June 1942, Pollock Letters.

обучения бросил Оксфорд. Он вспоминал, что «Бёрджесс не делал тайны из того, что является гомосексуалистом и марксистом... У него были голубые глаза и густые волнистые волосы. Он отлично плавал и выглядел угрожающе здоровым. Его наружность иногда называли «мальчишеской». В нем действительно была некая задиристость и притворная невинность, как будто он только что позвонил в дверь какой-то важной персоне и сбежал. ...Он был влюблен в марксизм, точнее, в марксистскую трактовку истории. ...«История» заняла место Бога (а Бертран Рассел надеялся, что это сделает математика)»¹¹⁴.

Их связь продолжалась все лето, а потом с перерывами еще несколько лет. Берн иногда приезжал на выходные к Бёрджессу в Кембридж, и они вместе подглядывали, как А.Э. Хаусман читает, сидя в кресле в саду колледжа. Бёрджесс познакомил любовника с Ф.А. Симпсоном и по секрету сообщил ему, что тот влюблен в Руперта Брука¹¹⁵. Молодые люди проводили время в Гранчестере, купались в реке Кам, ходили в гости к Э.М. Форстеру, где Берн допустил бестактность, спросив, согласен ли он, что Сомерсет Моэм – величайший английский романист. Бёрджесс познакомил Берна со своей матерью Эвелин, и как-то вечером они совершили романтическую прогулку в Оксфорд на спортивном автомобиле Бёрджесса, чтобы посмотреть в драматическом обществе Оксфордского университета (OUDS) поставленный Максом Рейнхардтом спектакль «Сон в летнюю ночь», в живописных декорациях оленьего парка колледжа Магдалины¹¹⁶.

В то лето Бёрджесс провел каникулы с Энтони Блантом, Виктором Ротшильдом, Анной Барнс и Дэди Райлендсом. Ротшильд отвез их на своем «бугатти» в Монте-Карло, где они провели время с Сомерсетом Моэмом на его вилле Мореск¹¹⁷.

С юга Франции Блант отправился в Британскую школу в Риме, где его школьный товарищ Эллис Уотерхаус стал библиотекарем и работал над диссертацией «История и теории живописи в Италии и Франции в 1400–1700 гг.». Тем же летом к ним присоединился Бёрджесс.

¹¹⁴ Michael Burn, *Turned Towards the Sun: An Autobiography*, Michael Russell, 2003, p. 55.

¹¹⁵ Ibid., p. 59.

¹¹⁶ Ibid., p. 65.

¹¹⁷ Анна Барнс была несчастлива в браке и влюбилась в Дэди Райлендса. Собрание писем Райлендса и Барнс, хранящееся в Королевском колледже, дает яркое представление о каникулах в Южной Франции и дружбе Анны с Бёрджессом. Там же есть рассказы о посещениях сомнительных ночных клубов и «беспокойных поездках на машине с Гаем, который постоянно приходил в восторг от старых домов и молодых людей и бросал руль, чтобы как следует их рассмотреть». Анна Барнс Дэди Райлендсу, 20 июля 1933 г. King's College Archives, GHWR 3/23/1.

Рисунок, сюжет которого, вероятно, подсказал короткий рассказ Сомерсета Моэма «Дождь»

Во время этих каникул Бёрджесс сумел политизировать Бланта. Трое молодых людей ходили в музеи и бары, совершали длительные прогулки по городу, и Уотерхаус заметил, что Бёрджесс приобрел доминирующее влияние на Бланта. Он использовал доводы относительно

важности государства для поддержки искусства, чтобы сформировать у Бланта марксистское мировоззрение. Юные марксисты были готовы расширять свой кругозор и укреплять влияние¹¹⁸.

¹¹⁸ Modin, pp. 70–71.

Глава 5. Выпускник Кембриджа

Несмотря на *aegrotat* (справку о болезни), осенью 1933 года Бёрджесс вернулся в Тринити-колледж как аспирант. Он готовил диссертацию по интеллектуальным предпосылкам пуританской революции и немного репетиторствовал, что у него неплохо получалось. Один из его учеников, лорд Талбот де Малахайд, Мило Талбот, позже не скрывал, что только благодаря помощи Бёрджесса сумел подняться от 2:2 по экономике до высших баллов по истории и затем сдать экзамен в министерстве иностранных дел¹¹⁹

¹¹⁹ Driberg, p. 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.